

Святой день, Христов день. Народные названия, различаясь структурой, представляют собой как однокомпонентные, так и двухкомпонентные образования. Номинация *Пасха* основана на ключевом компоненте официального церковного наименования. Полионим *Паска* претерпел фонетическое изменение – диссимиляцию по способу образования. Наименования *Христова Паска, Христово воскресенье, Христов день* восходят к имени главного действующего лица этого события – Иисуса Христа. Название *Святой день* представляет собой атрибутивное сочетание, в состав которого входит прилагательное, образованное от ключевого компонента официального наименования, и опорный компонент *день*. Наименования *Светлое воскресенье, Святое воскресенье* отражают усвоение народным сознанием ключевых компонентов зафиксированного в церковном календаре названия. Наиболее широкое с точки зрения географии распространение в нижегородских говорах получили варианты наименования *Пасха, Паска, Святая Паска, Христова Паска*, являющиеся результатом свертывания официальной календарной формулы. Другие названия выраженных ареалов не образуют, функционируют в отдельных микросистемах.

Таким образом, полионимы, называющие одни и те же праздники церковного календаря, в нижегородских говорах сложились в результате усвоения и адаптации официальных наименований, а также по словообразовательным моделям, свойственным русским народным говорами, и отражают мировидение создавших их людей, содержательно отражают культурную и духовную жизнь нижегородского крестьянина.

Е. В. Ничипорчик (ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь)

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ: ВАРИАТИВНОЕ И КОНСТАНТНОЕ

Науке пока не удалось раскрыть все тайны, связанные с рождением и объективацией человеческих мыслей. Не дан ответ на вопрос, где именно пролегает граница между осознанной воспроизводимостью языковых единиц и механической, безотчетной; в какой мере комбинаторные модели определяют реализацию семантических потенций знаковых единиц, выбор того или иного средства для передачи содержания. Аксиоматичность тезиса о «текучести» материальной и идеальной сторон знака, контекстуальной детерминации значений заставляет задуматься над тем, что именно может выступать константной частью знаков, обеспечивающей им способность быть идентифицированными в речи.

Паремиологические единицы, как и все другие знаки, характеризуются воспроизводимостью, однако, пожалуй, более, чем все остальные знаки, при употреблении в речи подвергаются разного рода преобразованиям. Причины, объясняющие эту особенность паремий, таковы: 1) гибридность природы паремий, заключающаяся в сочетании признаков языковых и речевых единиц, 2) членимость паремиологических единиц на компоненты, которые в

системе языка являются однозначными словами, 3) иерархичность семантической организации паремии. Статус языковых единиц как устойчивых словесных комплексов, характеризующихся семантической целостностью, обеспечивает паремиям узнаваемость даже в случае существенных структурных преобразований. Статус речевых единиц – выразителей пропозициональной семантики – детерминирует референциальную соотнесенность с ситуацией и, как следствие, допускает вариативность коммуникативных регистров, модальных рамок (*То есть на безрыбье и рак рыба? Неутешительно! А я всегда считала себя настоящей рыбой* (Авенариус) – источником для данной иллюстрации и всех последующих является Национальный корпус русского языка). Однозначность слов, входящих в структуру паремии, обуславливает прозрачную мотивированность их семантических ролей и делает возможным синонимическую замену компонентов, их перестановку, расширение состава паремиологической единицы и т. п. (*Нагло вам заявляю, что сегодня конкурентов у меня нет, потому что даже две своих «ТЭФИ» расцениваю как «на бесптичье и рак рыба»* (А. Крюкова)). Иерархичность семантической организации паремий говорит о тесной связанности значений, выражаемых на разных уровнях абстрагирования от конкретных ситуативных значений паремиологических единиц. В силу этой взаимосвязи наиболее общие отношения, представленные в структуре паремийной пропозиции, могут быть реализованы в трансформированном варианте паремии языковыми средствами, которые не находятся в системных синонимических связях с компонентами исходного варианта паремии (*Преснятину хочется заесть хоть лимоном. На безрыбье и Эдичка – Дантон* (Н. Васильева)).

Если воспроизводимость трактовать как сущностную характеристику знака, заключающуюся в актуализации связи между материальной репрезентацией знака и значением, детерминируемым в каждом конкретном случае употребления знака взаимодействием устойчивой части его понятийного содержания и функцией, которой знак наделяется в линейном ряду, то такое понимание воспроизводимости позволяет по-новому взглянуть на функционирование паремий как знаковых единиц.

Очевидно, что любая преобразованная материальная оболочка паремийного знака имеет нечто общее со словарным вариантом паремиологической единицы и иными ее материальными воплощениями в речи. Для паремии «нечто общее» всех ее материальных репрезентаций, обеспечивающее связь означающего и означаемого, не представляет собой какую-то одну константно повторяющуюся часть. Это может быть минимально / максимально редуцированная репрезентация паремии, восстанавливаемая по умолчанию (сравн.: *Мне лично, допустим, он больше нравится, но я понимаю, что значение это имеет ничтожное. На безрыбье и рак...* (О. Бакушинская) и *Но в перспективе планируем награждать отличившихся премией – 400 – 500 рублей, немного, конечно, но, как говорится, на безрыбье...* (А. Велигжанин)); один компонент / два и более компонента паремии в сочетаниях, воспроизводящих ее структурно-семантическую модель («*Рубин*» – *фаворит на «безрыбье»*)? Комфортная, словом, ситуация для штатного середнячка

сложилась (Советский спорт)); один компонент / два и более компонента паремии, используемые для обозначения окказиональной ситуации, в чем-то подобной или противоположной ситуации, представленной в паремии-претексте (*А некоторые политики настолько к этому привыкли, что готовы самого захудалого «рака» выдать за настоящего сазана. Имею в виду заместителя председателя Комитета по труду и социальной политике...* (Е. Свиначев)); *Поэтому, конечно, наш спектакль стал «бомбой» на музыкальном безрыбье* (Э. Богалейша).

Устойчивая часть понятийного содержания в каждом конкретном случае может ассоциироваться со значением полноформенной паремиологической единицы, не характеризующимся существенными приращениями; значением неполноформенной паремии, актуализируемым в связи с наличием в контексте сигналов незавершенности выражения мысли, специальных сигнальных средств, свидетельствующих об интертекстном статусе включенного в речь фрагмента знаковой единицы; с паремийной структурно-семантической моделью / реляционной структурой пропозиции, «узнаваемой» по ключевому слову / словам паремии и переключке семантических ролей имплицированных компонентов исходного варианта паремии с семантическими ролями слов, участвующих в обозначении окказиональной ситуации; с паремийной пропозицией, обозначенной в свернутом виде сигнальным средством, двойная означающая функция которого распознается с опорой на специальные показатели интертекстуальности, и др.

Е. В. Ничипорчик, П. С. Завтрикова (ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь)

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КАК «СИМПТОМАТИКА» ЖИЗНИ ПОСЛОВИЦЫ

Любые «движения» в тех или иных системных образованиях – признак «жизни» данных систем. Паремиологические единицы представляют собой очень «живую» языковую подсистему, ведь они характеризуются востребованностью в речи, а количество их трансформированных употреблений только растет. Закономерно увеличивается интерес исследователей к текстovým реализациям паремий.

Наше внимание привлекло функционирование пословицы *мир не без добрых людей* в художественных и публицистических текстах. Основная задача состояла в выяснении того, какие изменения претерпевает словарная, застывшая единица в реальном текстовом пространстве и каким образом встраивается в текст. Источником фактического материала послужил Национальный корпус русского языка (168 контекстов).

1. Писатели и публицисты используют пословицу *мир не без добрых людей* в двух основных вариантах.

В «Большом словаре русских пословиц» под редакцией В. М. Мокиенко [1] в отдельных статьях фиксируются четыре варианта пословицы: *мир не без добрых людей*; *свет не без добрых людей*; *на свете не без добрых людей*; *свет*